

Иллюстрированная СТРАНИЦА

(Окончание).

Поселок Майна, административный центр будущей гигантской гидростроительной, выглядел в те годы совсем иначе. Палатки, землянки... В том месте, где сейчас рынок, находился «Кодый-город» — избы из утонувших в земле временных. Я же жил тогда в Озинченко, училищем математики, в сыром жили тогда в Озинченко. До Майны ходили пешком, по обрывистому сибирскому берегу.

А дальше река Уя и вообще дороги никакой не было. После топографической и геологической разведки района рудника наша партия перешла к изучению ботаники Саян в более отдаленных недоступных до этой местах. Запасы цветных металлов, колоссальные залежи замечательного сибирского мрамора поражали воображение первоходоходов, разведенников недр. Уходили в горы и тяготы тогда без связи, без разации на 2-3 недели. Надежда была только на собственный опыт, выносливость — тайга и горы в Саянах трудноходили.

В 1966 году, с честью завер-

ОСОБАЯ ПРИЧИНА

мы, с зевалами, через которые порой пробивались по несколько суток.

Еще во время работы на Майнском руднике Вячеслав Александрович был здесь «спортивным президентом», председателем спортивного общества. Легкая атлетика, лыжи, стрельба. Спортивный спорт — бывший топограф-разведчик отличался знанием, что дают людям закалка и тренированность, как вырачивают они смельчаков, держащих покорять малоизученные просторы Сибири. И Вячеслав Александрович делал все возможное для организации настоящей спортивной работы, для привлечения к ней молодежи, у которой впереди были большие дела и нелегкие задачи.

В 1966 году, с честью завер-

ши разведывательные работы в горах и тайге. Вячеслав Александрович стал руководителем геодезической группы СМУ-2 в Чемерушках. Работа повышенной точности на объектах первостепенной важности строящейся Саяно-Шушенской ГЭС была доверена надежному человеку с зорким взором и богатейшим опытом.

На левом и правом берегах Енисея строители призывают к себе фигуру высокого седовласого человека, неторопливо и спокойно работающего с оптическими приборами. Немалая заслуга Вячеслава Александровича общепризнана гидростроителями в сооружении каждого объекта, расположенного в районе основных работ ГЭС. С каждым днем набирает силу, разворачивается гигантская стройка, завершена отсыпка котлована первой очереди. На сносимые станицы осушаются логильный котлован, потесневший Енисей к левому берегу. Переименки укрепляются бастионами-рижами. На правом берегу строятся бетонные заводы пер-

вой и второй очереди, которые позволят в юбилейном ленинском году уложить в теплоэнергии первые тысячи кубометров бетона.

Строится очистные сооружения, фильтровальные станции, автобазы, теплотрассы и канализация в Чемерушках, строится жилой микрорайон с современными многоэтажными зданиями. И везде здесь вложены частицы труда Вячеслава Александровича Чиреникова, которых традиций семь лет назад еще будущим молодым топографам, своими собственными руками валили из земли столбы с раскорчеванными двуглавыми царскими орлами, пересматривали по ленинскому Декрету устаревшие границы землепользования...

Сегодня Вячеслав Александрович не спешит домой по особой причине. Мне кажется, что он чуть грустен. Но эта грусть светлая, хорошая, неизменно связанный с понятиями ому, дорогими и незабываемыми воспоминаниями.

Сегодня у Вячеслава Александровича последний рабочий день перед уходом на пенсию.

В. БАЛАГУРОВ

— Приду вечером к тебе, Наташа Тарасова, наверно скажет: «Ну старик, хватит, поработал, конечно... А только не могу сказать «закончил». Стена, тундре такие язямы... Наверно, не выдерет знает, как в песне пойдет: «Пока я ходить умею...» Да сини, Аркаша, заканчивает Красноярский институт новых металлов — продолжит дело отца.

Задумчиво улыбается один человек, рассказавший мне о своем первом рабочем дне в тридцати семи годах немецкого труда, овенившего всеми ветрами романтики. Я смотрю за загоревшее, выдубленное морозами, иссеченное морозами лицо, словно боевые шрамы, и мне кажется, я вижу его высокую фигуру, пробивающуюся сквозь прругу к светильной железнодорожной вагонке, и слышу шепот его обожженных губ: — А ты... караешь... А ты... бумагу!

Сегодня у Вячеслава Александровича последний рабочий день перед уходом на пенсию.

Сегодня у Вячеслава Александровича последний рабочий день перед уходом на пенсию.

Ю. Худобородов

Все началось с простого — жил-был король... Он не был женат, что не мешало ему нести исправно всю королевскую службу до тех пор пока не заметил он, как быстро поседела под короной шевелюра, да морщины у глаз — пустыня лет — отвягнули его лицо.

— Довольно! — Сказал он себе, сбрасывая однажды королевскую мантию. — Ухожу в отпуск!

И тут свершилось чудо: в одно мгновение король оказался на берегу лазурного моря королевства.

Оно было чудесно! А вокруг все было наполнено ароматом сказочных цветов. Над аллеями, склонив свои головы, как наложницы из гарема знаменитого шаха, стройные пальмы замерли в тишине над прохладой желтого песка, а там, шинзу, звучный орган моря пел песню. Она наполняла все вокруг покоя и спасением.

Но не долго звучала эта песня. Откуда-то издалека, как чаек, привлекли новые аккорды, звуки арф и скрипок одухотворили песню, придали ей новый звучание. Оттеснила она стволы пальм только ему одному, звучала только для него. Что-то совсем новое, еще неизвестное, но уже близкое и до боли необходимое робкой музыкой поступало в его сердце. Король вдруг почувствовал, скорее осознал, что королем он был там, у себя, а тут он обычный человек, которого коснулось что-то необыкновенное. Человек оглянулся... Навстречу ему шла юная и прекрасная фея.

Сердце человека впервые забилось робкой надеждой, С

болью и страхом ожидала приближения феи, он мучительно хотел остановить ее. Он боялся, что счастье опять пройдет мимо. И что он мог ей дать? Чего...

Ну, конечно же море!, Самое красивое, самое прекрасное, чем можно одарить свою любовь, нетерпеливо напоминало о себе рокотом прибоя.

— Сударыня! — Человек преклонил колено, — Прошу, примите с любезностью в знак восхищения вашей красотой этот скромный подарок. — И он широким королевским жестом бросил к ее ногам лазурное море.

— Это мне? — Фея подняла маленький камень и бросила его со смехом в воду. — Вы шутник, мой милый. Да будет Вам известно, сударь, что истые джентльмены дарят лампадам жемчуга и ожерелья.

Она скривила свои миленькие губки и побежала вверх по лестнице.

И не стало музыки, и не стало красоты.

И только человек и море долго стояли друг перед другом.

Потом осталось одно море.

Король поднял камень и с обидой швырнул его в лазурь воды. Камень долго пыгал по волнам, словно море не хотело принимать-упрека. А король спустился на последнюю ступеньку большого и красивого, как само жизнь, лестницы, уходящей в море. Его плечи сутулококлонило вином.

С тех пор прошло много веков. Но и по сей день люди бродят по берегу моря и швыряют в него камни: одни шути ради, кое-кто от обиры, а третьи — от нечего делать, просто глядя на других.

Это все от гордости.
Это все от горести,
От простых,
невысказанных слов,
Это чм с тобою —
два различных полюса
В сказке из далеких,
детских снов.
Катится по кругу
наливное яблочко,
В руки не дается
мне никак,
Человек я, милый,
далеко не каменный,
Может только чуточку чудак.
Буду я на Северном,
А тебе путь Южный —
Кажется,

немного он теплый.
Там, где плачут айсберги,
оставляя лужицы —
Слезы океанов и морей.

И. Кашин

Голубые глаза,
Вы почти небеса.
Голубые глаза,
Вы чисты, как роса.
Голубые глаза,
Вы тревожите грудь.
Голубые глаза,
Можно в вас утонуть!
Голубые глаза,

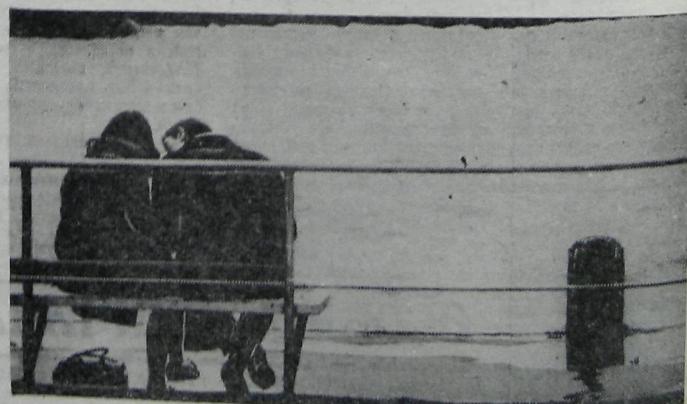
Я смущаюсь лишь вас.
Голубые глаза,
Изменитесь на час!
Голубые глаза,
Улыбнитесь милей,
И тогда я смогу
Быть чуть-чуть посмелей.
И тайком заглянуть,
Что на сердце у ней.

Настраение

Весна бушевала. Распустились сирени, цветы на деревьях, птицы пели. Присел на холодный обеденный стол Наскучила зимняя обединка. И сонная песня прервала ее. Не месяцы шли, а годы. Морозами играла гимнастка. Не месяцы шли, а годы. И я без весны постарел. Но старые кедры не горят. Тянулись лукаво ко мне. У них, как и годы, пыль. Их корона, и тверже снега. Они удаляются небы. Им тоже нужна весна.

И. Стрельников

Это все от прихоти
выдумали пристани,
Чтобы, расставаясь —
сердцу лгать.
Нет не плачут айсберги,
океаны высоки,
Как струна звенит меридиан.
Я его потрогаю,
до тебя докатится
По закону физики волна,
Не дается в руки мне
наливное яблочко,
В этом, дорогая, и твоя вина.

КИНО

23 марта

Новый ш. э. фильм в 2х сериях (по одноимен-

ному роману Достоевского)

Редактор В. КОРИЛЛО

ЖИВОЙ ТРУП

Сеансы: 2-го: 21.30.
21-го: 19.30.

3-го: 19.30.

Ал. Баталов.

Тираж 1090.